

Команда поднялась на свой этаж и вернулась в рабочую зону. До конца обеденного перерыва оставалось еще немного времени, и все разошлись по своим местам, чтобы отдохнуть.

Шан Лое и Линь Куншань прошли в отдельный кабинет. Едва закрыв за собой дверь, Шан Лое заметил, что помощник Линь все еще смотрит на него.

— ...

На этот раз настала очередь Шан Лое спросить:

— Что случилось?

Линь Куншань улыбнулся. Когда он улыбался, его алые губы слегка поджимались, отчего «лук купидона» казался еще более пухлым и мягким.

— Вы собираетесь в спортзал? — спросил он.

Шан Лое вопросительно приподнял бровь:

— ?

Линь Куншань слегка смутился:

— Я не помешаю? Прошу прощения. Просто подумал, если вы пойдете на тренировку, я мог бы пойти с вами и расспросить о планировании выставок.

На этот неожиданный вопрос Шан Лое на мгновение замолчал, слегка нахмурившись. Его предыдущее недоумение было вызвано вовсе не тем, что он счел вопрос вмешательством в личную жизнь. Просто он не ожидал, что помощник Линь проявит такой интерес к его расписанию.

Молодой человек перед ним сейчас выглядел куда более живым и эмоциональным, чем обычно, и это невольно приковывало взгляд. Особенно если учесть, что единственной причиной такой перемены был он сам.

Шан Лое поднял руку, согнул длинные пальцы и слегка поправил воротник.

— Сегодня не пойду, — его голос звучал холодно и отстраненно.

Несмотря на то, что он только что вернулся из шумного ресторана, на его одежде не было ни единой складки. Он даже успел воспользоваться спреем для нейтрализации запахов —

безупречен с головы до пят.

— Садись, — Шан Лое указал на стул напротив. — Спрашивай.

Линь Куншань послушно сел. Он заметил, что Шан Лое снова коснулся воротника, словно проверяя, ровно ли он лежит. Сегодня на нем не было галстука, лишь изящная серебряная булавка, которая придавала образу нотку утонченности, не делая его слишком официальным. Черная рубашка с четкими строчками сидела на нем идеально, подчеркивая молодость, строгость и почти пугающую остроту его черт лица.

Двадцать лет — возраст переходный, когда мужчина уже не юноша, но еще не до конца сформировался. Однако Шан Лое всегда одевался безупречно, будь то спортзал или офис, что говорило о его выдающемся чувстве стиля. Это лишь подтверждало, что как руководитель он весьма компетентен.

При этой мысли улыбка Линь Куншаня стала еще теплее. Пока начальник снова не начал поправлять воротник, он решил перейти к делу:

— Те тридцать пять выставок за два года — это проекты, которые вы делали в Европе?

Такое количество мероприятий позволило бы вырастить профессиональную команду мирового уровня, но в официальной истории компании Gold об этом не было ни слова. Это означало, что те выставки проводились не в стране, да и вряд ли внутренний рынок мог похвастаться такой плотностью событий.

Шан Лое кивнул:

— Это было, когда я учился.

Линь Куншань знал, что Шан Лое изучал бизнес в Кембридже. Это престижный вуз, но выбор факультета был лишь данью ожиданиям отца. Ло Су как-то обмолвилась, что втайне от семьи Шан Лое на первом курсе поступил на вторую специальность, параллельно изучая визуальные коммуникации в другом учебном заведении. Успевать по основной тяжелой программе и при этом достичь таких высот в искусстве — это доказывало его невероятный талант и работоспособность.

— Три года назад в Лондоне я открыл студию Soleil, — продолжал Шан Лое. — Мы с той командой сделали много выставок.

Линь Куншань знал основы французского: Soleil означало «солнце». Как и Gold, название студии перекликалось с именем Шан Лое — «сияющий». Обе студии были созданы его руками и обладали ярким, узнаваемым стилем.

Шан Лое достал с полки планшет, нашел в облачном хранилище папку с работами и протянул ему. Линь Куншань пролистал сложные чертежи и перешел к фотографиям готовых площадок. Качество и эстетика исполнения были настолько высоки, что у него перехватило дыхание.

Его начальник оказался гораздо талантливее, чем он предполагал. Линь Куншань думал, что тот занимался лишь небольшими модными показами или локальными арт-выставками, но на деле Шан Лое сотрудничал с такими гигантами, как Crada, самостоятельно курируя крупные сезонные шоу. В то время он работал на чужом поле, в условиях жесткой конкуренции, перед лицом самых придирчивых заказчиков — и все равно сумел добиться успеха в столь юном возрасте.

— Значит, когда вы вернулись и основали Gold, средства на аренду этого офиса — это тоже сбережения за те три года? — спросил Линь Куншань.

— Да, — коротко ответил Шан Лое.

Линь Куншань с первого дня понимал, что аренда такого офиса с видом на море стоит целое состояние. Он предполагал, что помощь семьи была неизбежна, но теперь стало ясно: это не так. Характер Шан Лое не позволил бы ему принять деньги отца. Ни за аренду, ни за оборудование — за все он заплатил сам.

— А потом... — Линь Куншань внимательно посмотрел на начальника. — Почему вы закрыли Soleil?

Шан Лое вернулся на родину, основал новую студию, и за все время работы Линь Куншань ни разу не слышал упоминаний о прошлом проекте. Даже остальные сотрудники, казалось, ничего не знали, кроме Бай Мэнсюань, которая была знакома с ним еще со времен учебы.

— Потому что он не согласился. Не позволил мне продолжать, — голос Шан Лое звучал равнодушно.

Кто был этот «он», объяснять не требовалось. Отец.

— Перед моим отъездом он насильно забрал студию.

— Забрал? — переспросил Линь Куншань.

Шан Лое опустил взгляд. Его лицо, и без того холодное, стало еще более суровым в тени густых ресниц.

— Профессиональные управляющие, — бросил он.

Линь Куншань затаил дыхание. Он знал, что отец начальника — человек жесткий, но не думал, что настолько деспотичный. Привлечение профессиональных управляющих означало, что никто не собирался договариваться по-хорошему; они просто «законно» отобрали право собственности. Без шанса на компромисс.

В этот момент Линь Куншань осознал: Шан Лое уже однажды сильно пострадал от действий таких людей. Теперь стало понятно, почему полмесяца назад, когда Линь Куншань сам «спустился сверху» в качестве нового помощника, Шан Лое проявил небывалое самообладание и не сорвался на него.

Линь Куншань на мгновение замолчал, а затем, вернувшись к вежливому тону, произнес:

— Хорошо, что теперь все права на Gold принадлежат вам.

Шан Лое поднял глаза. В его светлых зрачках застыл ледяной холод, от которого казалось, будто тебя сковывают невидимые цепи.

— Я сам решил вернуться, — сказал он. Его низкий голос, обычно притягательный, сейчас звучал так холодно, что к нему не хотелось приближаться. — Когда открывалась Soleil, я использовал банковскую карту семьи. Успех на старте был отчасти его заслугой. Люди знали, чей я сын, и всегда старались оказать услугу. Если он захотел это забрать — я вернул ему все до копейки.

Линь Куншань вспомнил слова Ло Су о том, что при возвращении домой между отцом и сыном возник конфликт. Шан Лое отказался следовать навязанному плану и вернул отцу все деньги, потраченные на него за двадцать лет. Тогда это звучало как абстрактная история, но сейчас, глядя на этого человека, Линь Куншань отчетливо представил, как тот с ледяным спокойствием отдает долг.

— Дело не в управляющем, который отобрал Soleil, — добавил Шан Лое, глядя прямо на помощника. — Я не ошибся в людях. Ни тогда, ни сейчас.

Линь Куншань едва заметно улыбнулся:

— Верно. Возможно, это к лучшему. У вас и у Gold все будет только развиваться. Мы справимся.

Начальник, кажется, остался доволен.

— Хочешь заняться организацией выставок? — спросил он, кивнув на планшет.

Линь Куншань сразу кивнул:

— В стране огромный спрос, а предложений мало. К тому же, для студии это очень выгодное направление.

Шан Лое не стал спорить, но заметил:

— Сейчас в стране мало крупных модных показов, в основном это повторы зарубежных шоу.

Линь Куншань лишь улыбнулся. Даже спустя полгода простоя Шан Лое не потерял хватку. Имя и достижения можно отобрать, но талант и острое чутье — никогда.

— Покупательная способность растет, рынок роскоши огромен, — аргументировал Линь Куншань. — И я не предлагаю сразу замахиваться на мировые подиумы. В Шэньчжэне даже небольшие выставки пользуются бешеным успехом.

Линь Куншань опасался лишь одного — что у его начальника осталась психологическая травма после того, как у него отняли дело всей жизни. Но, увидев реакцию Шан Лое, он понял, что напрасно волновался.

— Я давно этим не занимался, — сказал Шан Лое. — Если тебе интересно — после того как закончишь текущие дела, можешь съездить на разведку.

Глаза Линь Куншаня засияли:

— Можно начинать подготовку?

Шан Лое задумался на секунду:

— Можно. Но старт будет сложным, не торопись.

Линь Куншань понимал, что индустрия моды держится на связях, и новичкам там не рады. Но его это не пугало. С талантом Шан Лое он был уверен, что сможет добиться расположения кого угодно.

— Я пойду готовиться, — сказал он и тут же встал, не теряя ни минуты.

Казалось, трехмесячный срок, отпущенный на развитие, больше не казался такой уж проблемой.

Шан Лое проводил его долгим взглядом, прежде чем вернуться к экрану компьютера. В списке задач значилось изучение площадок для выставок. Это потребует поездок, и Линь Куншань надолго уедет из офиса. Как раз в это время съемки с участием Цинь Цзюня должны

закончиться. Идеальное время, чтобы они не пересеклись.

Линь Куншань был в разъездах две-три недели. Когда он вернулся в офис, съемки Цинь Цзюня уже завершились.

— О, так быстро? — удивился Линь Куншань.

Коллеги, только что проводившие «дорогого гостя», переглянулись с странными выражениями лиц.

— Ну... не так уж и гладко, — признались они.

За те две недели, что прошли с момента первого визита Цинь Цзюня, в эфир вышел сериал с его участием, который мгновенно стал хитом. Цинь Цзюнь сыграл роль брата главной героини — холодного и жесткого парня с короткой стрижкой. Несмотря на внешнюю суровость, он был единственным, кто по-настоящему заботился о сестре, и эта роль в сочетании с агрессивным маркетингом сделала его невероятно популярным.

Команда Gold знала, что сценарий для Цинь Цзюня выбрал Линь Куншань. И это был идеальный выбор.

Однако во время съемок Цинь Цзюнь вел себя невыносимо. Он придибался к каждой мелочи, заставлял переделывать утвержденные темы, а когда их меняли — заявлял, что первый вариант был лучше. Съемки, рассчитанные на пятнадцать часов, растянулись вдвое.

Больше всего доставалось Шан Лое. Но, к удивлению команды, их босс оставался невозмутимым. Он не позволял провокациям влиять на работу, следуя контракту до последней буквы.

Линь Куншань слушал отчет команды, но не особо волновался. Он знал, что в студии Шан Лое — абсолютный хозяин положения. В итоге съемка прошла идеально.

— Фотографии просто потрясающие, — говорили сотрудники. — Глядя на них, хочется простить ему все капризы. Хотя нет, в жизни он все равно невыносим.

Линь Куншань понимал, что сдержанность Шан Лое — это именно то качество, за которое он ценит своего начальника. Он поднял глаза и увидел, что Шан Лое как раз выходит из кабинета.

Сейчас был перерыв, и молодой начальник, который никогда не жаловал пустые сплетни, в подобных беседах участия не принимал.

Линь Куншань поначалу думал, что тот не обратит на них внимания, но, стоило ему взглянуть в сторону, как Шан Лое тут же поднял глаза, и их взгляды встретились.

Заметив внимание Линь Куншаня, начальник с холодным, красивым лицом слегка приподнял бровь:

— Что-то случилось?

Линь Куншань на мгновение замешкался, обдумывая ответ, а затем произнес:

— Прошу прощения, это из-за меня график студии сдвинулся.

В конце концов, задержка на съемках произошла исключительно из-за капризов Цинь Цзюня. Линь Куншань говорил искренне, будучи готовым нести ответственность за последствия, и действительно увидел, как нахмурился его молодой босс, отчего его красивые черты лица стали еще холоднее.

Однако Шан Лое ответил совсем иное:

— Я уже говорил, что о своем одобрении буду сообщать лично. И о недовольстве — тоже.

Эти слова стали полной неожиданностью для Линь Куншаня, но Шан Лое продолжал говорить с предельной серьезностью:

— Поэтому я не хочу слышать от тебя подобного. Не извиняйся, если не сделал ничего плохого.

Линь Куншань замер. Хоть они говорили негромко, остальные члены команды находились рядом и, услышав слова Линь Куншаня, начали наперебой его заверять:

— Это совсем не твоя вина!

— Разве может быть виноват господин Линь? Я теперь даже думаю, что Цинь Цзюнь в тех сериалах играл самого себя, он в жизни такой грубый.

— Все же сериал — это одно, а реальность — совсем другое. В жизни, встретив такого человека, хочется держаться от него подальше...

Пока коллеги продолжали обсуждать это, Линь Куншань быстро пришел в себя. Он понял, что Шан Лое прав. Если бы он взял ответственность на себя, это легко могло бы смешать рабочие процессы с личными обидами. Под руководством Шан Лое команда уже успешно завершила работу, и если сейчас дать повод для лишних раздумий, это лишь навредит будущим проектам.

Линь Куншань быстро проанализировал ситуацию, поблагодарил коллег за поддержку и обратился к начальнику:

— Благодарю за замечание, господин Ло.

Шан Лое промолчал. Его холодный, пронизательный взгляд скользнул по фигуре Линь Куншаня, и он негромко произнес:

— Это была просто беседа, а не замечание.

Линь Куншань удивился. Коллеги, услышавшие это, округлили глаза, глядя на босса.

Неужели этот трудоголик способен на светскую беседу?

В этот момент курьер принес посылку для Шан Лое, и тот вышел за дверь, чтобы расписаться в получении. Как только мужчина скрылся, Бай Мэнсюань посмотрела ему вслед и сказала Линь Куншаню:

— Господину Линю не стоит переживать. Босс никогда не смешивает работу с личными эмоциями. Независимо от того, кто перед ним — даже если бы это был... — она запнулась, — даже если бы ему пришлось фотографировать собственного отца, он бы работал идеально, не дрогнув ни мускулом.

Линь Куншань кивнул:

— Профессионализм господина Ло впечатляет.

Услышав это, Бай Мэнсюань обменялась взглядами с Янь Вэньвэнем и добавила:

— Иногда это не совсем хорошо... Как бы сказать, босс порой слишком эмоционально отстранен.

Линь Куншань невольно удивился:

— Слишком отстранен? Но ведь творчество требует полной эмоциональной отдачи.

В разговор вступил Янь Вэньвэнь:

— Именно. Но характер у Лое довольно холодный, эмоции у него редко выходят наружу, и в этом плане ему немного не хватает глубины. Его наставник даже говорил, что в его работах слишком много этого отстраненного взгляда свысока.

Бай Мэнсюань продолжила:

— Впрочем, способности у босса настолько выдающиеся, что это можно назвать лишь мелким изъяном. К тому же, если честно, современная индустрия моды больше ценит именно такую холодную отстраненность, так что его стиль даже более уместен.

Янь Вэньвэнь согласно кивнул.

— Просто, если бы в его творчестве было больше чувств, он мог бы превзойти свое нынешнее

совершенство, — добавила Бай Мэнсюань.

Линь Куншань внимательно слушал. Он не был профессионалом в этой области, поэтому воздержался от комментариев. Бай Мэнсюань, прикусив губу, задумалась:

— Кстати, мне кажется, что его недавние работы стали немного другими. Будто бы уже не такими холодными? Например, та ледяная серия для журнала с Цзоу Жунъюэ: хотя кадры были очень холодными, экспрессия в них была невероятно сильной...

Вдруг она замолчала, заметив что-то, и удивленно расширила глаза. Линь Куншань обернулся и увидел, что Шан Лое вернулся в студию. Коробку он оставил снаружи, а в руках держал лишь содержимое — изящные ножницы необычной формы. Не подходя к ним, Шан Лое направился в свой кабинет, видимо, чтобы убрать их на место.

Бай Мэнсюань вдруг взмахнула указательным пальцем:

— Я вспомнила, что именно изменилось! — она была поражена не тем, что босс вошел, а тем, что было у него в руках. — Босс начал разводить цветы!

Линь Куншань присмотрелся:

— Это были флористические ножницы?

— Да, — активно закивала Бай Мэнсюань. — Это просто невероятно.

Линь Куншань не понял:

— Почему невероятно?

В студии многие держали на столах вазы, некоторые даже использовали пустые стаканы из-под чая, чтобы добавить красок в рабочее пространство. Все здесь были людьми искусства, обладали тонким вкусом, и даже простая композиция смотрелась красиво. Напротив, огромный букет красных роз, который Цинь Цзюнь прислал за бешеные деньги, Шан Лое без колебаний раскритиковал, заявив, что если поставить его в студии, это лишь испортит репутацию команды. Слишком пошло. Казалось, начальник неплохо разбирается в растениях.

Но Бай Мэнсюань возразила:

— Босс — другое дело. Он никогда раньше этого не делал.

Она посмотрела на Янь Вэньвэня, и тот кивнул:

— Наставник Лое еще давно советовал ему завести питомца или начать выращивать цветы, чтобы научиться чувствовать живую энергию, что помогло бы наполнить его работы эмоциями.

По сути, это было попыткой смягчить его холодность.

— Но он не стал? — догадался Линь Куншань.

— Верно, — подтвердил Янь Вэньвэнь. — Он пытался следовать совету учителя, но в итоге лишь довел дизайн флористических композиций до совершенства, получив высший балл на курсе. Он даже создавал невероятные искусственные цветы. Однажды он сделал изумительный лотос из кожуры кукурузы: текстура идеально повторяла тонкие прожилки лепестков, изделие выглядело как живое и могло храниться очень долго.

Линь Куншань знал, что Янь Вэньвэнь — глава отдела реквизита, и в этом вопросе он был экспертом. Его похвала в адрес Шан Лое лишь подтверждала талант последнего. Линь Куншань вспомнил, что в портфолио молодого начальника действительно видел подобные работы — цветы на них выглядели необычайно трогательно.

— Но Лое оставался равнодушен к живым цветам и не имел желания ухаживать за ними, — улыбнулся Янь Вэньвэнь. — Его учитель даже качал головой, говоря, что ему, видимо, не суждено научиться беречь хрупкую красоту.

— Вот почему мы так удивлены, — добавила Бай Мэнсюань. — Босс начал выращивать цветы.

— Он уже начал? — спросил Линь Куншань.

— Да, они стоят у него в кабинете, — ответил Янь Вэньвэнь.

Поскольку Линь Куншань последние две недели отсутствовал, он этого не видел. Решив забрать планшет со своего рабочего места, он направился в кабинет начальника. Войдя, он сразу заметил перемены: у окна, в углу и на столе Шан Лое появились новые вазы с пышной зеленью. Линь Куншань присмотрелся и понял, что вазы не покупные, а сделанные вручную, с уникальным, характерным для Шан Лое дизайном. Похоже, молодой начальник действительно решил серьезно заняться садоводством.

Однако Линь Куншаня удивило, что в вазах стояли не распустившиеся цветы, а свежая зелень: макиа, эвкалипт, кедр... Он узнал некоторые из них. Несмотря на то, что все было зеленым, изящная аранжировка не выглядела скучно.

Шан Лое стоял у стола, держа в руках ножницы и слегка подрезая веточки. Заметив вошедшего, он обернулся:

— Что-то случилось?

Линь Куншань пришел в себя и улыбнулся:

— Очень красиво.

Он вспомнил работы начальника, где всегда были пышные, яркие цветы: пионы, розы, лотосы... Все они были очаровательны. Он не ожидал, что, начав ухаживать за растениями сам, босс

выберет лишь строгую зелень.

Линь Куншань решил спросить напрямую:

— Вы не стали выращивать цветы? Только зелень.

Шан Лое подошел к креслу, ножницы легко и изящно провернулись в его пальцах. Он сел и взглянул на стол, где тонкие зеленые листья, похожие на легкое облако, расположились между ним и Линь Куншанем. Они не загораживали обзор, а лишь выгодно оттеняли молодого человека.

Шан Лое смотрел на него, любуясь этой дивной картиной.

— Да, — ответил он небрежно. — Цветов здесь и так хватает.

<http://bllate.org/book/20054/1982701>